

и проводит параллель в семантическом плане со сценой из Чаганки (Кара-Оюк) [Михайлов, 2002, с. 57]. При этом в алтайской композиции у колесной повозки нет упряжных животных, а массивные статичные фигуры быков скорее противопоставлены изображениям бегущих в одном направлении антропоморфных персонажей и собак (неестественно вытянутые туловища собак, возможно, также семантически связаны с идеей движения).

Д.Г. Савинов, отметив, что изображения колесного транспорта служат свидетельством поэтапного распространения скотоводов на просторах Южной Сибири, подчеркнул неприспособленность окуневских фургонов для быстрого передвижения [Савинов, 1997, с. 210 – 211]. Возможно, динамике и экспрессии стремительно бегущей четверки антропоморфных персонажей противопоставлены статичность быков, а также неподвижность повозки – она изображена распряженной.

Зафиксированные при повторном копировании сцены из Чаганки (Кара-Оюк) иконографические детали – в частности, сходство иконографии быков с трактовкой данного образа в окуневском искусстве, косые кресты на “штандартах”, повозка с возницей (?), а также стремительность движений антропоморфных персонажей, свойственная и некоторым фигурам из Беш-Озека и Каракола, – лишние раз подчеркивают принадлежность данной композиции к кругу каракольско-окуневских древностей. Новая находка – изображение бегущего антропоморфного существа, обнаруженное на противоположном берегу Чагана, – практически идентична четверке “бегунов-танцоров”. Таким образом, эти неординарные фигуры лишаются статуса уникальных, расширяется корпус изображений в “грацильном стиле”. Безусловная узнаваемость содержания древнего рисунка, экспрессивность образа бегущего антропоморфного персонажа определили его включение в контекст средневековых гравировок, изображающих тяжеловооруженных воинов-всадников.

Хочется надеяться, что обращение к известному памятнику наскального искусства Алтай было оправданно. В свете последних изысканий появились новые возможности его интерпретации. Получение более точных копий известных и открытие

новых произведений “грацильного стиля” могут расширить наши представления о содержании его сюжетов и образов, а также в целом о характере исторических процессов на просторах Южной Сибири в эпоху бронзы.

Список литературы

Дэвлет Е.Г. Памятники наскального искусства: Изучение, сохранение, использование. – М.: Научный мир, 2002. – 256 с.

Ковтун И.В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 183 с.

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. – Новосибирск: Наука, 1988. – 172 с.

Кубарев В.Д. Древние росписи Беш-Озека // Гум. науки в Сибири. – 1998. – № 3. – С. 51 – 56.

Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1992. – 123 с.

Михайлов Ю.И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири. Эпоха бронзы. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. – 364 с.

Михайлов Ю.И. Образ “чудесной запряжки” и символика движения-перемещения в культурных традициях юга Западной Сибири и Центральной Азии // Первобытная археология: Человек и искусство: Сб. науч. тр., посвященный 70-летию со дня рождения Якова Абрамовича Шера. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 54 – 58.

Окладникова Е.А. Петроглифы Кара-Оюка // Урал-алтаистика: Археология. Этнография. Язык. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 85 – 88.

Окладникова Е.А. Граффити Кара-Оюка, Восточный Алтай (характеристика изобразительных особенностей и хронология) // Материальная и духовная культура народов Сибири. – Л.: Наука, 1988. – С. 140 – 158. – (Сб. МАЭ; Т. 42).

Савинов Д.Г. К вопросу о формировании окуневской изобразительной традиции // Окуневский сборник: Искусство. Культура. Антропология. – СПб.: Петро-Риф, 1997. – С. 202 – 212.

Miklashevich E.A., Pyatkin B.N. The petroglyphs at Sukhanikha Mountain (Middle Yenisei) // INORA. – 1998. – N 21. – P. 18 – 23.

Pyatkin B.N. The Shalabolino petroglyphs on the river Tuba (Middle Yenisei) // INORA. – 1998. – N 20. – P. 26 – 30.

Материал поступил в редколлегию 21.05.03 г.

УДК 903'63

Г.В. Кубарев, В.Д. Кубарев*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия**E-mail: gvkubarev@online.nsk.su
vd@online.nsk.su*

ПОГРЕБЕНИЕ ЗНАТНОГО ТЮРКА ИЗ БАЛЫК-СООКА (Центральный Алтай)

Введение

Политической основой консолидации алтайских племен в средневековую эпоху послужил могущественный Тюркский каганат (VI – VIII вв.). Это крупное племенное объединение, по существу, было первой евразийской империей, границы которой простирались от Монголии до стран Восточной Европы и от Южной Сибири до Китая. Включение Алтая в состав огромной кочевой империи не только открыло его населению доступ к сокровищнице духовных и материальных ценностей других народов, но и активизировало творческий потенциал древнеалтайских тюркоязычных племен, внесших свой вклад в мировую культуру.

До нашего времени сохранилось несколько легенд о происхождении древних тюрков, из которых наиболее известной является легенда о сожительстве мальчика с волчицей. В ней повествуется, что все предки тюрков были убиты воинами соседнего племени, но чудом уцелел десятилетний мальчик. У него были отрублены ноги и руки, но волчица спасла его, выкормила и затем стала его женой. Согласно легенде, волчица в пещере рождает десять сыновей, которые становятся затем вождями тюркских племен. Один из них, по имени Ашина, переселившись на Алтай, возглавил племенной союз, получивший название Тюрк. Неожиданное подтверждение тюркской легенды найдено в степях Монголии: на одной из каменных stel изображена волчица, под брюхом которой находится небольшая фигурка человека с отрубленными руками и ногами.

Главной и грозной военной силой тюрков была кавалерия, вооруженная луками и стрелами, сталь-

ным оружием. “Сила тюрков заключается в верховой езде и стрельбе из лука. Если они видят благоприятное положение, то продвигаются вперед, если замечают опасность, тотчас же отступают. Они бушуют, как буря и молния, и не знают устойчивого боевого порядка. Лук и стрелы являются их когтями и зубами, а кольчуги и шлемы – повседневным одеянием” [Liu Mau-tsai, 1958, S. 130]. Мужчин тюрки хоронили с оружием и конем. Во многих могилах обнаруживаются явные признаки их гибели на войне. На некоторых черепах и костях видны следы смертельных ран от стрел, мечей и сабель. Нередко встречаются погребения людей и с отрубленными головами.

Среди более 250 древнетюркских захоронений, исследованных на сегодняшний день на территории Южной Сибири, лишь незначительную часть можно признать элитными. Многие из них были разграблены еще в древности, но те, которые дошли до нас нетронуемыми, содержат яркий археологический материал: предметы импорта, украшения, дорогое оружие и т.п. Такие погребальные комплексы интересны тем, что зачастую их сопроводительный инвентарь включает в себя исключительно информативные и редкие находки, такие как предметы искусства, монеты, артефакты с руническими надписями, детали защитного доспеха и многое другое. К числу подобных редких погребений древнетюркской племенной элиты, без сомнения, относится раскопанный кург. 11 могильника Балык-Соок I в Онгудайском р-не Республики Алтай (рис. 1). Могильник получил название по одноименному урочищу в долине р. Урсул близ впадения в нее р. Курота (рис. 2). Кург. 11, как и несколько других исследованных древнетюркских погребений,

Рис. 4. Вид с востока на насыпь кургана 11.
Балык-Соок I.

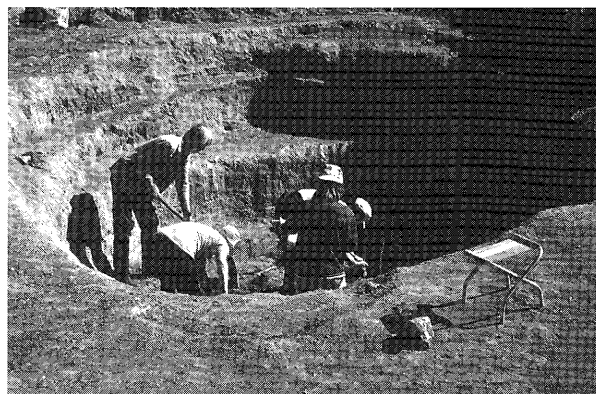

Рис. 5. Процесс раскопок.

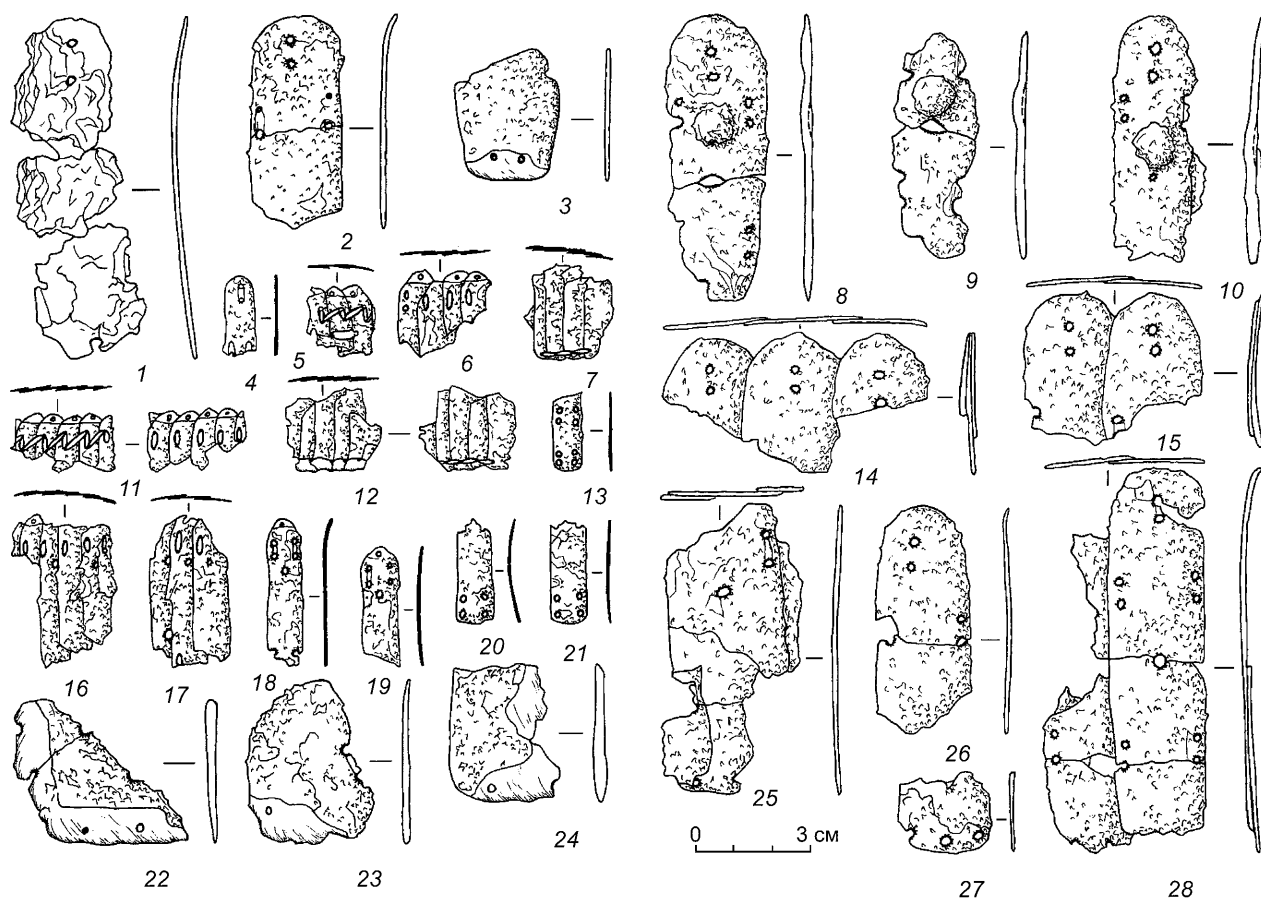

Рис. 6. Разнотипные панцирные пластины.

бине 70 – 120 см среди крупных камней, ближе к западной стенке ямы найдены многочисленные обломки железных панцирных пластин (рис. 6, 7). В центре ямы находились две пары роговых срединных накладок на лук (рис. 8, 4 – 7), а также роговой наконечник и рукоять плети (рис. 9, 16, 18).

При углублении до 140 – 155 см (рис. 10) по центру ямы обнаружены железное тесло-топор (см. рис. 9, 13), стремя (рис. 11, 14), детали узды – серебряные бляшки, наконечники, пряжки и обоймы, тройник-распределитель (см. рис. 9, 1 – 12; 12) и железный наконечник копья (см. рис. 8, 8). Вокруг этого скопления

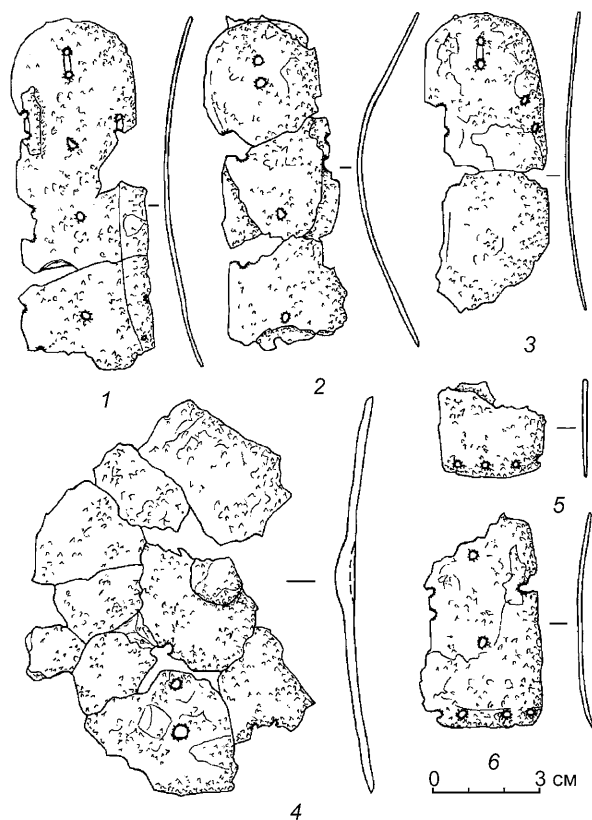

Рис. 7. Детали шлема.

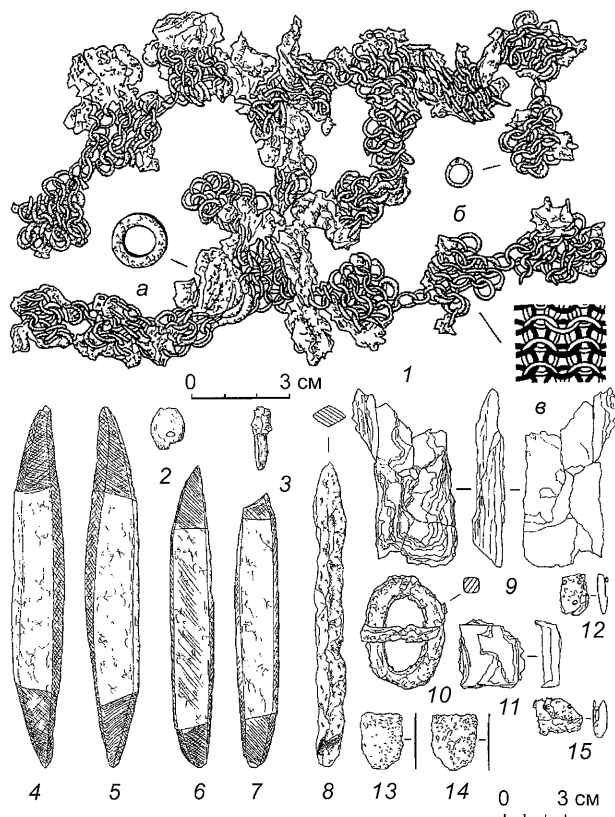

Рис. 8. Предметы вооружения.

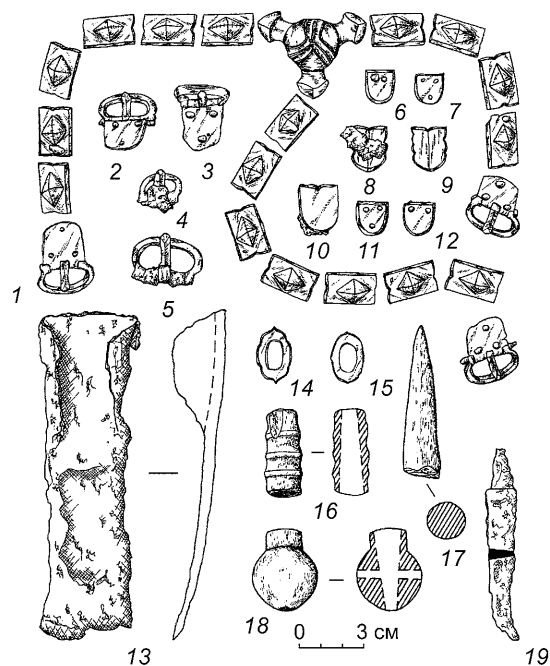

Рис. 9. Уздечный набор и бытовые предметы.

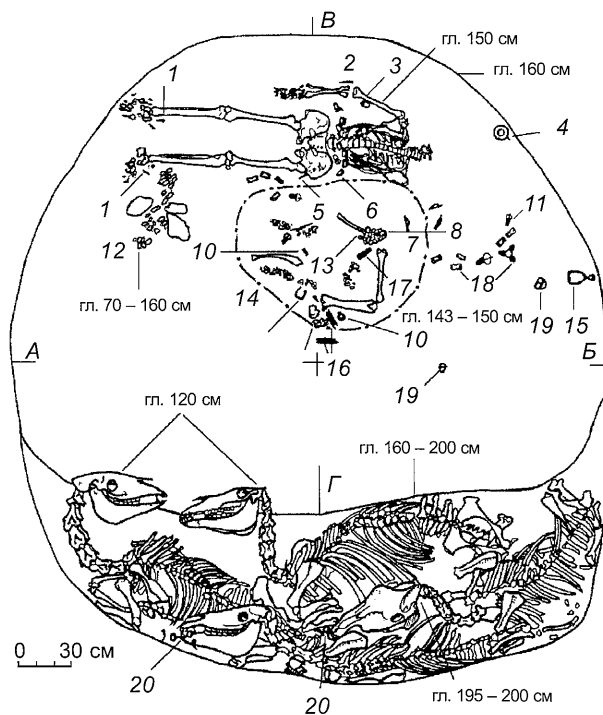

Рис. 10. План погребения.

1 – серебряные пряжки и наконечники ремней для сапог; 2 – кочедык; 3 – железное огниво, кремь, две роговые бляшки; 4 – серебряный сосуд; 5 – железный нож; 6 – наборный пояс; 7 – роговые застёжки для пут; 8 – золотая серьга; 9 – железный наконечник копья; 10 – роговой наконечник и рукоять стека; 11 – серебряные пряжки; 12 – железные панцирные пластины; 13 – обрывки кольчуги, роговой свистунок и обломок наконечника стрелы; 14 – железный наконечник и пряжка ремня, железные наконечники; 15 – железные стремена; 16 – роговые накладки на лук; 17 – железное тесло-топор; 18 – серебряные бляхи и пряжки узды, тройник; 19 – железные подпружные пряжки; 20 – железные удила с роговыми псалиями.

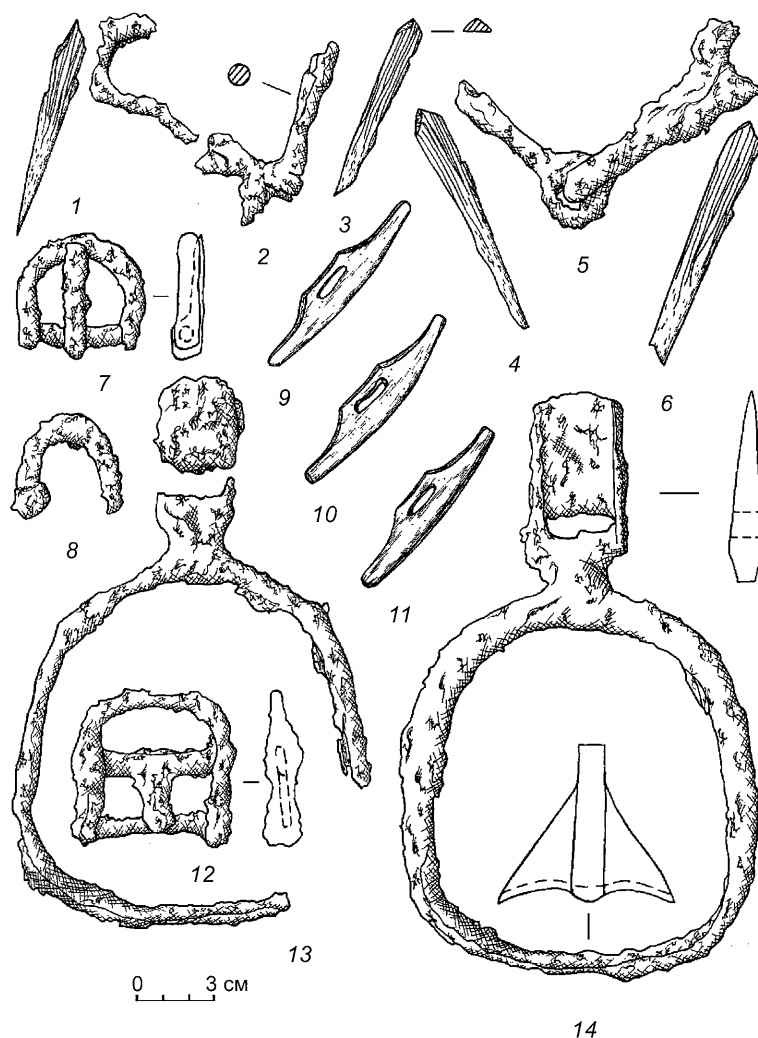

Рис. 11. Предметы снаряжения коня.

предметов большой разнородной массой лежали обломки железных панцирных пластин (рис. 6, 7), а также обрывки кольчуги (см. рис. 8, 1). Среди многочисленных железных обломков найдены части наконечников стрел (см. рис. 8, 3), роговой свистунок (см. рис. 8, 2) и фрагменты лакированной кожи. Здесь же были массивная железная пряжка (см. рис. 8, 10), наконечник ремня (см. рис. 8, 11) и несколько маленьких железных наконечников ремней (см. рис. 8, 12 – 15). При разборке этого скопления вещей обнаружена массивная золотая серьга с двумя жемчужинами (рис. 13).

В северной половине ямы, на глубине 150 см расчищен костяк человека, погребенного в вытянутом положении на спине, головой на востоко-юго-восток (см. рис. 10, 14). Череп отсутствовал, кости левой руки были смещены грабительским лазом и лежали в анатомическом порядке в центре ямы. В головной части погребения, у восточной стенки ямы находились детали седла и узды: железное стремя (см. рис. 11, 13), три роговые застёжки для пут (см. рис. 11, 9 – 11), несколь-

ко однотипных серебряных бляшек (см. рис. 9, 1) и две железные подпружные пряжки (см. рис. 11, 7, 12). Неподалеку найден серебряный сосудик с тамгообразным знаком на дне (рис. 15). На погребенном был наборный пояс из серебряных блях-оправ трех типов (рис. 16, 5; 17), к которому подвешивался железный черешковый нож (см. рис. 9, 19). У костей правой руки человека найдены железное огниво (см. рис. 16, 6), халцедоновый камень (см. рис. 16, 9), две маленькие роговые бляшки с крестовидным орнаментом (см. рис. 16, 7, 8) и роговой стержень конической формы (см. рис. 9, 17). Две миниатюрные серебряные пряжки (см. рис. 12; 16, 3, 4) и два наконечника ремней с бирюзовыми вставками (см. рис. 16, 1, 2) находились у костей ступней погребенного.

В южной половине ямы при углублении до 160 – 200 см зачищены четыре костяка коней, ориентированные на запад (см. рис. 10, 14, 18). Первый (слева) конь при погребении лежал на брюхе, завалившись на

Рис. 12. Серебряный уздечный набор.

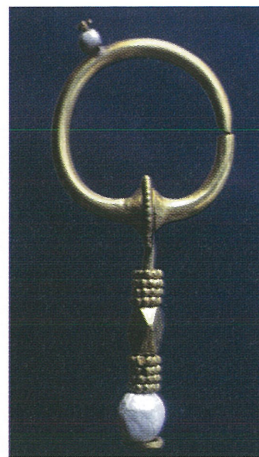

Рис. 13. Золотая серьга с жемчужинами.

Рис. 14. Расчищенное погребение.

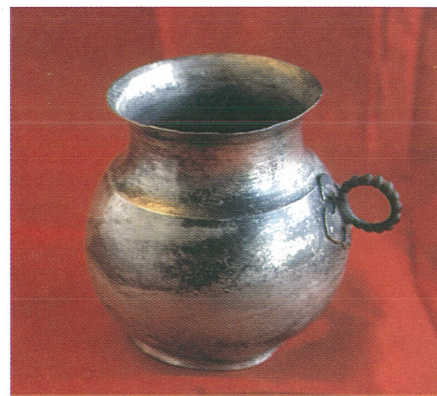

Рис. 15. Серебряный сосуд.

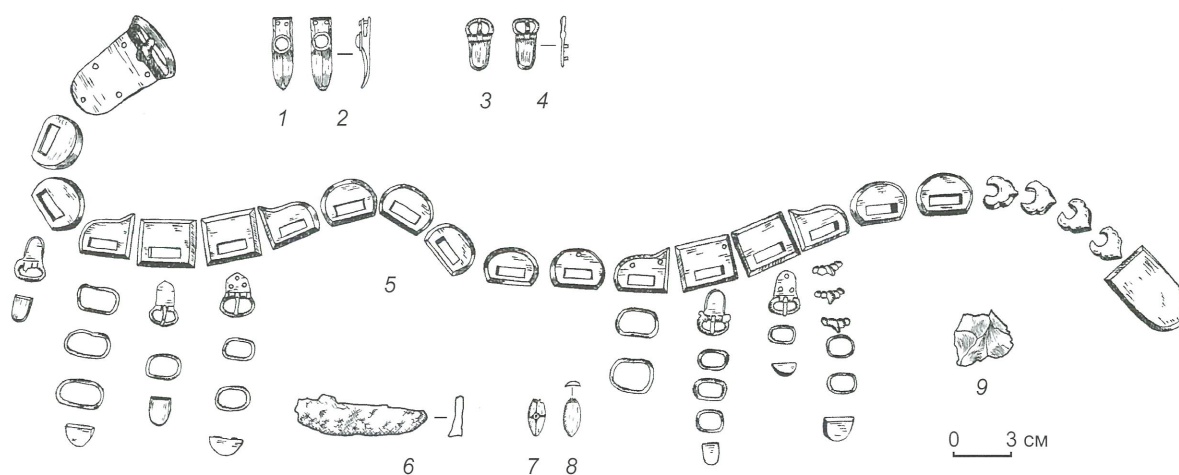

Рис. 16. Предметы из кургана 11. Балык-Соок I.

правый бок, голова его была преднамеренно развернута в противоположную сторону, т.е. к человеку. Судя по положению костяков, именно он был уложен первым, затем два коня рядом друг с другом в той же

позе и четвертый, головой вверх второго и третьего (см. рис. 18). Третий и четвертый по счету (слева направо) кони были взнузданы железными удилами с роговыми псалиями (см. рис. 11, 1 – 6). Как известно,

Рис. 17. Серебряный наборный пояс.

многие древнетюркские погребения сопровождались захоронением одного-двух, изредка трех коней. Здесь их четыре – пока единственный случай среди раскопанных древнетюркских погребений на Саяно-Алтайском нагорье. Этот факт, а также наличие соответствующего погребального инвентаря, в т.ч. почти целого панциря, свидетельствуют об исключительной знатности и богатстве погребенного. Интересно отметить, что “ограбление” кургана произошло вскоре после погребения умершего. В пользу такого предположения говорит то, что кости кисти левой руки человека найдены в “грабительском” лазе в анатомическом порядке. По-видимому, речь может идти не об ограблении могилы, т.к. ценные вещи не были взяты, а об ее осквернении. Являлось ли главной целью людей (врагов умершего?) вскрытие могилы и похищение головы знатного тюрка (в качестве апотропея или воинского трофея?), судить сложно.

Анализ вещевого комплекса, датировка погребения и его культурно-исторический контекст

Характерный предметный комплекс позволяет установить время совершения древнетюркского погребения в Балык-Сооке в относительно узких хронологических рамках. При этом наличие определенных, несомненно, ценных категорий инвентаря (золотая серьга, украшенная жемчугом, серебряная посуда, обувь с серебряными пряжками и ремешками с наконечниками, инкрустированными вставками из полудрагоценных камней) свидетельствует о высоком социальном статусе и богатстве погребенного. К числу престижных и значимых раритетов можно отнести защитный доспех и наборный пояс из серебряных блях – неперенный атри-

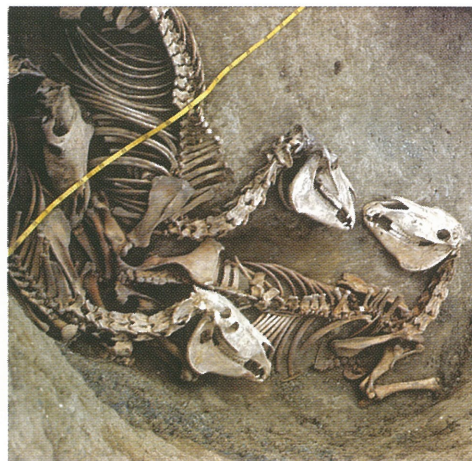

Рис. 18. Вид на захоронение коней.

бут костюма знатного тюрка. Признаком элитарности может служить и уникальный уздечный набор, украшенный серебряными бляхами, и, конечно же, захоронение вместе с хозяином четырех породистых лошадей.

Рассмотрим наиболее характерные и датирующие предметы.

Пояс набран из серебряных блях прямоугольной и сегментовидной формы, а также типа лунниц, четыре бляхи “переходные” – от прямоугольных к сегментовидным (см. рис. 16, 5; 17). Пояс имел около пяти подвесных ремешков с обоймами, украшенных миниатюрными бляшками сердцевидной формы. Пряжки, наконечники ремней и основные типы бляшек – прямоугольные, сегментовидные и лунницы – находят многочисленные аналогии в материалах из надежно датированного слоя VIII в. средневекового города Пенджикента [Распопова, 1979, рис. 1, 3, 5]. Пояса с подобной комбинацией блях были очень широко распространены у тюрков и согдийцев в древнетюркскую эпоху и могут быть датированы концом VII – IX в. Они находят многочисленные аналогии как на территории Алтая (Катанда II, кург. 5 [Гаврилова, 1965, рис. 7], Курай II, кург. 3, Туяхта, кург. 4 [Евтюхова, Киселев, 1941, табл. III, рис. 15], Узунтал I, кург. 2 [Савинов, 1982, рис. 5, 17], Барбургазы II, кург. 9 [Кубарев Г.В., 1997, рис. 1] и др.), так и в сопредельных регионах: Кузнецкой котловине (могильник Сапогово, кург. 12 – 14 [Илюшин и др., 1992, рис. 34, 35, 38]) и Восточном Туркестане (Ярхото [Литвинский, 1995, табл. 32]). Изображения прямоугольных и сердцевидных блях, лунниц наиболее часто встречаются и на древнетюркских изваяниях. Если комбинация из трех основных типов блях является наиболее распространенной в древнетюркских материалах, то наличие блях переходной формы отличает этот пояс от других. Прямой аналог

подобной комбинации блях – пояс из погребения кург. 4 в Туяхте на Алтае [Евтюхова, Киселев, 1941, табл. III, рис. 15].

Золотая серьга (см. рис. 13) представляет собой великолепное ювелирное изделие филигранной работы. Она отличается от других подобных украшений массивностью и вместе с тем непревзойденным изяществом. На длинной подвеске-стерженьке закреплена крупная, хорошо сохранившаяся жемчужина. Еще одна, менее крупная жемчужина крепилась на шпенье в верхней части серьги. В середине подвески-стерженька граненая “бусина”, выше и ниже которой располагаются свободно вращающиеся четыре колечка с зернью. Дополнительным креплением стерженька служит припаянное “ребрышко”, также с зернью. Все эти детали выполнены из золота.

Прямым аналогом этой находки являются две парные серьги из женского погребения в кург. 2 могильника Юстыд XIV (из неопубликованных материалов В.Д. Кубарева). Однако в отличие от балык-соокского украшения они выполнены из позолоченной бронзы, а граненая “бусина” и имитация жемчужины вырезаны из кости. Следует указать и на серьгу с подвеской в виде колечек с зернью, найденную в одном из тюркских погребений кург. 16 в Катанде-3 [Мамадаков, Горбунов 1997, рис. VII, 6 – 8]. При этом серьги, украшенные зернью, на Алтае встречаются гораздо реже, чем в Туве, Монголии и Хакасии. Два золотых изделия такого типа – с подвесками, украшенными сферическими серебряными шариками и колечками с зернью, – обнаружены в кург. 11 курганно-грунтового могильника Шелехметский II на территории Самарской Луки [Лифанов, 2001, рис. 1, 2]. Богатое погребение человека с конем, содержавшее эти серьги, было отнесено к VII – VIII вв. и справедливо интерпретировано как собственно тюркское или тюркско-хазарское. Изделия подобного типа традиционно датируются исследователями VIII – IX вв. [Евтюхова, 1957, с. 208; Овчинникова, 1990, с. 46]. Такие серьги именуются салтовскими, их различные варианты были широко распространены в VII – IX вв. во всей евразийской степной зоне. Но, возможно, происхождение этих серег следует связывать с районами Южной Сибири и Центральной Азии, а их широкое распространение – с созданием древними тюрками Первого Тюркского каганата.

Серебряный сосуд – еще один ценный предмет погребального инвентаря, заслуживающий особого внимания. Это изделие древнетюркского мастера-торевта сохранилось удовлетворительно. По вмятинам и отставшему дну можно предположить, что оно очень долго эксплуатировалось в быту. Сосуд, представляющий собой небольшую кружку на поддоне, имеет высоту 9,5 см, диаметр тулова 10 см, дна –

7 см (см. рис. 15). Его ручка выполнена в виде спаянных шариков и крепится к тулову при помощи крестовидного щитка. На дне снаружи тончайшей гравировкой нанесен тамгообразный знак.

К настоящему времени на Алтае известно несколько подобных сосудов: в Катанде [Смирнов, 1909, табл. ХСII], Туяхте [Евтюхова, Киселев, 1941, табл. II, рис. 2], Юстыде [Кубарев В.Д., 1979, с. 142 – 143, рис. 7 – 9] и Бертеке [Савинов, 1994, с. 148]. Еще один сосуд из погребения в Курае и верхняя часть сосуда из поминальной оградки Юстыда отличаются по своим пропорциям и относятся к другому типу. Кружечки, близкие балык-соокской, известны и из раскопок древнетюркских курганов соседней Тувы: в Калбак-Шат [Маннай-оол, 1963] и Монгун-Тайге [Грач, 1960, рис. 88]. Материалы могильника Сапогово в Кузнецкой котловине также включают обломок и два целых серебряных сосуда [Илюшин и др., 1992, с. 97, 110]. Время бытования серебряных сосудов такого типа на территории Саяно-Алтая определяется в рамках VIII – X вв. [Савинов, 1994, с. 148], хотя, по нашему мнению, часть из них может быть отнесена и к VII в.

Кроме уже приведенных аналогов из собственно тюркских памятников, близкие по форме и характерным деталям кружки и кувшины известны в Восточной (Перецепинский клад [Залеская и др., 1997, № 69 – 71]) и Центральной (аварские погребения каганов или знатных людей [Toth, Horvath, 1992, Abb. 69]) Европе. Оформление ручек сосудов в виде зерни с крестовидной бляхой является наиболее популярным и распространенным в материалах древнетюркского облика [Евтюхова, Киселев, 1941, рис. 1, 2; Илюшин и др., 1992, рис. 44, 1; Залеская и др., 1997, с. 311 – 314]. Так, характерной деталью сосудов из тюркской группы Перецепинского клада является ручка в виде кольца из шариков. Даже если принять датировку этого комплекса последней четвертью VII в. [Залеская и др., 1997, с. 99], то серебряные сосуды данной группы оказываются старше, чем собственно тюркские серебряные кружки с территории Саяно-Алтая. Последние преимущественно датируются VIII – IX вв. Как уже отмечалось, наличие подобных серебряных сосудов в погребениях свидетельствует о привилегированном положении их владельцев в древнетюркском обществе.

Уздечный набор представлен бляшками прямоугольной формы, имеющими в центре ромбическое возвышение и вырезы на поперечных сторонах (см. рис. 9, 1 – 12; 12). Подобные бляхи обнаружены в Кузнецкой котловине – в кург. 10, 11, 13, 17 могильника Сапогово [Илюшин и др., 1992, рис. 32, 35], датируемого второй половиной VIII – первой половиной IX в. Характерны они и для культуры чаатас того же периода [Кызласов, 1981, рис. 28, 47].

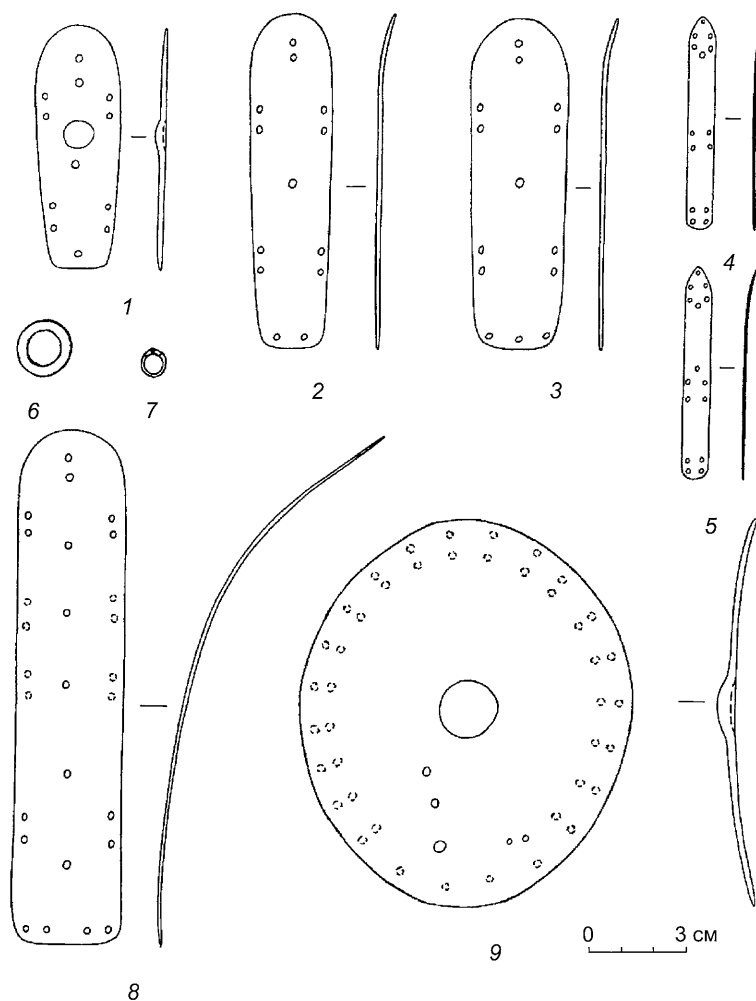

Рис. 19. Реконструированные панцирные пластины и навершие шлема.

1 – пластина I типа; 2 – пластина II типа, вариант а; 3 – пластина II типа, вариант б; 4 – пластина III типа, вариант а; 5 – пластина III типа, вариант б; 6 – железное кольцо кольчуги; 7 – бронзовое кольцо кольчуги; 8 – пластина IV типа; 9 – навершие шлема.

В центральной части тройников – орнамент, имитирующий узел (см. рис. 9, 1), что может интерпретироваться как рудимент реального завязывания в узел ремней узды.

Стремена с пластинчатой прямоугольной петлей, имеющей закраины (см. рис. 11, 13, 14), идентичны стременам такого же типа енисейских кыргызов [Евтюхова, 1948, рис. 60, 65, 96, 102, 135]. Они бытовали в VIII – X вв., при наибольшем распространении в VIII – IX вв. При этом широкая подножка и высокая пластина являются определенными хронологическими признаками, характерными для стремян VIII – IX вв. Следует согласиться с мнением Б.Б. Овчинниковой [1990, с. 112] и С.В. Неверова [1998, с. 149] о том, что массивность и большие размеры пластинчатых стремян свидетельствуют о высоком социальном статусе их владельца. Это подтверждается

наличием зачастую особых декоративных деталей – покрытия из толстого листового серебра, прорезей в подножке. Подобные стремена подражали таким образцам искусства, как массивное стремя того же типа с инкрустацией серебром в виде растительного орнамента и изображений птиц из Уйбатского чаатаса [Евтюхова, 1948, рис. 23]. Достаточно также вспомнить пластинчатые стремена из богатых аварских погребений [Garam, 1992, Taf. 12, 24], серебряные стремена из Перещепинского клада [Залеская и др., 1997, с. 235, № 120] и с территории Северного Ирана [Werner, 1974, Abb. 5 – 7].

Защитный доспех. Несомненно, одной из наиболее интересных находок в погребении являются детали защитного доспеха. По их первоначальному местонахождению невозможно судить о конструкции доспеха. К тому же от панциря не сохранилось ни одной целой пластины. Однако в результате проведенных реставрационных работ удалось склеить несколько пластин и деталей доспеха.

Панцирные пластины по форме, размерам и количеству отверстий можно условно разделить на четыре типа, часть из которых делится на варианты.

Тип I. Пластины, имеющие округлый верхний край и подпрямоугольный нижний (см. рис. 6, 8 – 10; 19, 1). Размеры: длина 7 – 7,5 см, ширина 2 – 2,7, толщина 0,1 – 0,3 см. У основания пластины слегка сужаются. Отличительные особенности – наличие полусферических

выступов в верхней части и значительная толщина; 12 отверстий. Насчитывается 46 обломков от не менее 34 пластин. Восстановлен 1 экз.

Тип II. Пластины, также имеющие округлый верхний край и подпрямоугольный нижний (см. рис. 6, 1 – 3; 14, 15, 25 – 28; 19, 2, 3). Размеры: длина 9,5 – 10 см, ширина 2,3 – 3, толщина 0,1 – 0,2 см. Верхний край часто слегка вогнут. Подразделяются на два варианта: а) с 13 отверстиями (см. рис. 19, 2), б) с 14 отверстиями (дополнительное в нижнем окончании пластины) (см. рис. 19, 3). Насчитывается 151 обломок от не менее 39 пластин. Восстановлено 2 экз.

На спекшихся фрагментах пластин I и II типов различимо их налегание друг на друга как слева направо, так и справа налево на 4 – 5 мм (см. рис. 6, 14, 15, 25, 28).

Тип III. Пластины, имеющие округлый, слегка заостренный верхний край и подпрямоугольный нижний

(см. рис. 6, 4 – 7, 11 – 13, 16 – 21; 19, 4, 5). Размеры: предполагаемые длина 6,5 – 7 см, ширина 0,7 – 1,0, толщина 0,1 – 0,2 см. Верхний край иногда вогнут. Варианты: а) с 14 отверстиями (см. рис. 19, 4), б) с 15 отверстиями (дополнительное в центре пластины) (см. рис. 19, 5). Имеются также обломки пластин либо с иной системой отверстий, либо другой длины (см. рис. 6, 4, 13), которые, возможно, образуют еще один вариант. Однако полностью размер этих пластин и количество отверстий не восстанавливаются. Насчитывается 702 обломка от не менее 172 пластин. Целиком не удалось восстановить ни одного экземпляра. На спекшихся фрагментах четко различимы окантовка тканью верхнего края каждого ряда и нижнего края первого ряда, а также способ скрепления с помощью шнура или тесемки (см. рис. 6, 4 – 7, 11, 12, 16, 17).

Тип IV. Пластины, имеющие округлый верхний край и подпрямоугольный нижний (см. рис. 7, 1 – 3, 5, 6; 19, 8). Предположительная длина 18 см (при высоте в вертикальном положении 15,5 – 16 см), ширина 3 – 3,7, толщина 0,2 – 0,3 см. Отличительные особенности: сильно изогнуты, имеют самое большое количество отверстий – приблизительно 27. Насчитывается 102 обломка от не менее 18 пластин. Полностью не удалось восстановить ни одной. Пластины налегали друг на друга слева направо на 8 – 9 мм. В нижнем окончании они имеют следы окантовки шириной 5 мм.

Еще 107 малых и средних по размерам обломков пластин в равной степени могут относиться к I, II или IV типу.

14 железных обломков, по нашему мнению, не принадлежат ни к одному из выделенных типов. От остальных их отличает большая толщина (3 – 4 мм) и обильные следы органики (см. рис. 6, 22 – 24). Вполне возможно, что они представляли собой части двух больших пластин-блях. Однако их точная форма и система отверстий полностью не восстанавливаются. Можно лишь сказать, что по краям у них большое количество отверстий и следы органики шириной в 1 см. В центре также несколько отверстий.

Из железных обломков удалось частично восстановить округлое навершие шлема (см. рис. 7, 4; 19, 9). Его толщина 0,3 см, первоначальные размеры составляли, очевидно, 12 × 10 см. Навершие слегка выпуклое, в центре полусферический выступ. По краю оно, вероятно, имело большое количество отверстий для крепления пластин.

Кольчуга набрана из малых бронзовых и больших железных колец. Сохранились крупные разрозненные фрагменты бронзового плетения со спекшимися железными кольцами (см. рис. 8, 1). Плетения из железных (см. рис. 8, 1, а) и бронзовых (см. рис. 8, 1, б) колец чередовались, однако установить порядок их взаиморасположения невозможно. Приблизительная площадь

кольчуги составляет 490 см² (20 × 24,5 см). Бронзовые кольца 0,7 – 0,8 см в диаметре, шириной 0,1, толщиной 0,07 см. Их плетение – четыре в одном (см. рис. 8, 1, в), причем четыре кольца, соединенные с центральным, имеют спайки. Железные кольца 1,6 – 1,7 см в диаметре, шириной 0,3 – 0,4, толщиной 0,2 см. Очевидно, они имели такую же систему скрепления, что и бронзовые. На кольчуге сохранились остатки органики и фрагменты орнаментированного китайского шелка – нижняя окантовка и подкладка.

В месте скопления обломков панцирных пластин обнаружены небольшие железные наконечники ремней (см. рис. 8, 12 – 15), массивные пряжка (см. рис. 8, 10) и наконечник ремня (см. рис. 8, 11). Из железных обломков склеен предмет (см. рис. 8, 9), назначение которого непонятно. Их совместное нахождение и материал изготовления, вероятно, свидетельствуют о том, что они служили деталями доспеха.

Другие предметы вооружения представлены двумя парами роговых срединных накладок на лук (см. рис. 8, 4 – 7), остатками наконечников стрел (см. рис. 8, 2, 3) и железным наконечником копья (см. рис. 8, 8). Накладки на лук трапецевидной формы, большие длиной 18 см, малые – 15 см. Длина пера наконечника копья 13,5 см, оно ромбовидное в сечении. Втулка обломана, однако по имеющимся целым экземплярам (в т.ч. из еще одного древнетюркского кургана могильника Балык-Соок I) можно предположить, что по длине она примерно равнялась перу.

Таким образом, на основании сравнительного анализа рассмотренных нами предметов сопроводительного инвентаря балык-соокское погребение знатного тюркского воина можно датировать VIII – первой половиной IX в.

Реконструкция защитного доспеха

Большое количество панцирных пластин позволяет предположить, что в погребении находился целый доспех. Очевидно, он был уложен в непосредственной близости от человека, в центре могильной ямы. К сожалению, панцирь преднамеренно разбит “грабителями”, и часть его оказалась в “грабительском” лазе. В противном случае он сохранился бы спекшимся монолитом. Анализ формы пластин, их размеров и системы отверстий, с одной стороны, а также привлечение изобразительных и археологических материалов – с другой, позволяют предложить один из возможных вариантов реконструкции защитного доспеха из Балык-Соока*.

* Авторы благодарят В.В. Горбунова, заведующего музеем Алтайского государственного университета г. Барнаула, за ценные консультации и практическую помощь в реконструкции доспеха.

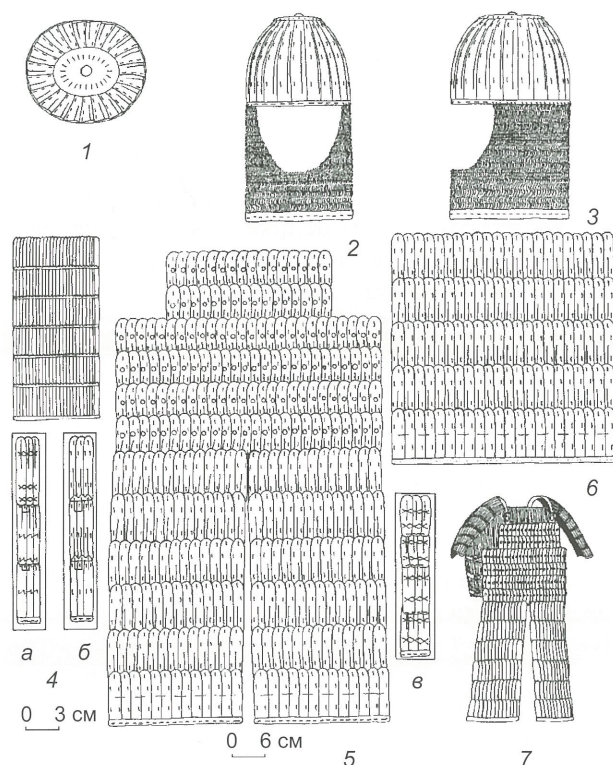

Рис. 20. Реконструкция шлема и панциря.

Рисунок В.В. Горбунова.

1 – скрепление пластин с навершием шлема; 2, 3 – шлем с кольчужной бармицей; 4 – оплечье: а – изнанка, б – лицевая сторона; 5 – нагрудник и подол (в – изнанка); б – наспинник; 7 – общий вид панциря.

Система отверстий подобных панцирных пластин предполагает их скрепление между собой при помощи ремешков, т.е. балык-соокский панцирь относился к числу т.н. ламеллярных. Пластины в таком панцире располагались длинной стороной по вертикали. Боковые отверстия служили для соединения пластин в горизонтальные полосы, а центральные – для скрепления полос между собой. При этом пластины, скорее, накладывались “снизу вверх”, т.е. округлым окончанием вверх, хотя вполне возможно и обратное направление – “чешуей”. Так, в Китае и Корее в несколько более ранний период (IV – V вв.) известны ламеллярные “чешуйчатые” доспехи [Горелик, 1993, с. 157]. Исходя из общих тенденций развития защитного вооружения во второй половине I тыс., которые нашли отражение в изобразительных материалах сопредельных регионов (см. сводку: [Там же, рис. 5 – 8]), а также в петроглифах Алтая, можно предположить, что панцирь из Балык-Соока включал следующие части: “корсет-кирасу”, состоящую из нагрудника и наспинника, двухчастный подол, крепившийся к нагрудной части и доходивший до колен, оплечья, шлем и кольчужную бармицу-“ожерелье” (рис. 20, 21).

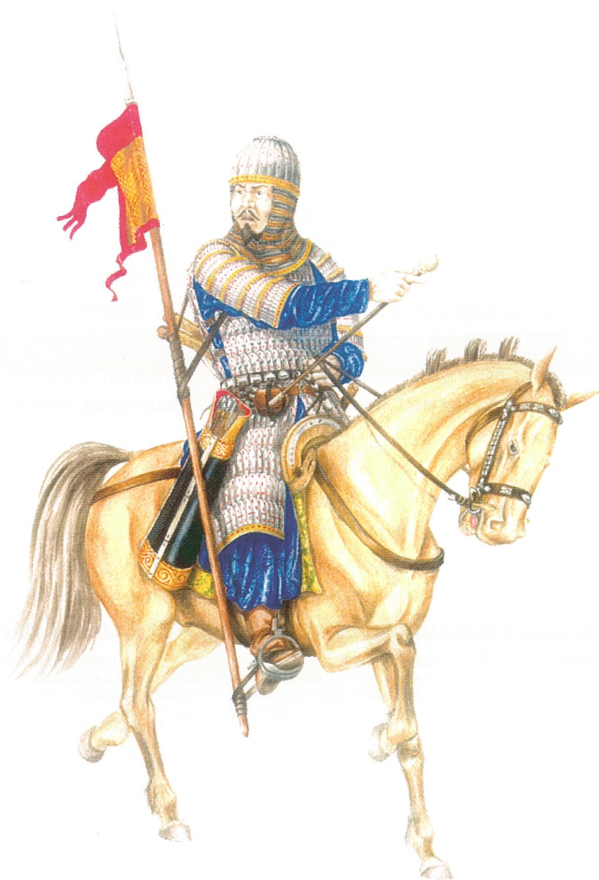

Рис. 21. Древнетюркский воин VIII – IX вв. в защитном доспехе. Рисунок Д.В. Позднякова.

Нагрудник набирался из пластин I типа (см. рис. 20, 5), т.к. меньшие по размерам и массивные пластины обеспечивали более плотное и частое крепление, что совершенно необходимо для этой части доспеха. Кроме того, они имеют такую декоративную деталь, как полусферические выступы, которая, несомненно, использовалась в наиболее видимой составляющей панциря. Предположительное число пластин I типа, необходимых для нагрудника (в расчете на мужчину среднего телосложения), составило около 150 шт. Подол набирался из более длинных пластин II типа (см. рис. 20, 5), предположительное их число 160 шт. Нижний край подола окантовывался тканью или кожей. Наспинник также состоял из пластин II типа, предположительно в количестве 110 шт. (см. рис. 20, 6). Наспинная и нагрудная части доспеха соединялись оплечными и боковыми ремнями, от которых сохранились железные наконечники (см. рис. 8, 12 – 15). Оплечья, закрывавшие руки до локтей, набирались из пластин III типа – более узких, а потому и обеспечивающих большую гибкость (см. рис. 20, 4). Судя по следам, пластины скреплялись в один ряд при помощи

длинных ремешков, а ряды между собой соединялись многочисленными короткими ремешками (см. рис. 20, 4, а, б). В нижней части оплечья имели окантовку из ткани. Кроме того, окантовывался верхний край каждого ряда. Общее предполагаемое количество пластин оплечий 310 шт.

Шлем. Из его деталей удалось частично склеить навершие и пластины (IV тип). Первоначальный размер навершия составлял, по-видимому, 12×10 см, в центре оно имеет полусферический выступ (см. рис. 19, 9). И хотя не удалось полностью восстановить ни одной пластины от шлема, с определенной степенью достоверности возможна его реконструкция. Учитывая приблизительные параметры боевого наголовья по известным образцам (общая высота 17 см, размеры основания тульи эллипсовидной формы 19×22 при длине окружности 65 см), высота пластин шлема должна была составлять 16 см при длине 18 см. Они имели порядка 27 отверстий (см. рис. 19, 8).

Таким образом, тулья-купол шлема состояла из скрепленных между собой длинных изогнутых пластин. Их необходимое число – 23 шт. Для соединения пластин шлема друг с другом в отличие от панцирных пластин использовались не только боковые парные отверстия, но и центральные. Тем самым обеспечивалось очень надежное их скрепление. Парные отверстия в верхней части пластин служили для соединения с навершием (см. рис. 20, 1), которое должно было иметь соответственно 23 парных отверстия. Из-за незначительной степени изогнутости пластин и выпуклости навершия купол шлема имел полушаровидную форму (см. рис. 20, 2, 3).

Кольчуга невелика, поэтому, вероятней всего, она использовалась в качестве бармицы-“ожерелья”, прикрывающей шею и плечи (см. рис. 21). Плетения из бронзовых и железных колец, возможно, чередовались полосами. Бармица имела окантовку нижнего края и подкладку из шелка.

Балык-соокский панцирь был снабжен дополнительными деталями – наплечниками (?) в виде двух массивных пластин, покрытых кожей или тканью. Однако их первоначальная форма не восстанавливается. Как уже упоминалось, различные части доспеха украшались китайским орнаментированным шелком и черной лакированной кожей. Массивная железная пряжка и наконечник ремня относились к “боевому” кожаному поясу, к которому могли подвешиваться колчан и налукче.

Сравнительный анализ балык-соокского доспеха

Пластины ламеллярного доспеха, аналогичные балык-соокским I и II типа, широко бытовали в степной

зоне Евразии и использовались на протяжении всего I тыс. н.э. При этом защитное вооружение в I тыс. н.э. продолжает линию развития предыдущего периода – конца I тыс. до н.э. [Горелик, 1993, с. 161]. Территориально и хронологически наиболее близкими пластинам I и II типа следует считать находки: на Алтае – Берель, кург. 3 [Гаврилова, 1965, с. 55], Кудыргэ, оградка XIII [Там же, с. 16, табл. 5], Узунтал I, кург. 2 [Савинов, 1982, с. 107, рис. 8], Боротал I, кург. 6 [Кубарев В.Д., 1985, с. 138, рис. 2], Катанда-3, кург. 21 [Мамадаков, Горбунов, 1997, с. 117, рис. VIII, 14], Балчикова-3, кург. 7 [Шульга, Горбунов, 2002]; в Туве – Монгун-Тайга 58-IV [Грач, 1960, с. 130], Бай-Тайга 59-5 [Грач, 1966, с. 103], Аймырлыг III, II-6 [Овчинникова, 1981, с. 141], Улуг-Хорум, выпускное погр. 2 [Грач, 1982, с. 158], Тора-Тал-Арты СХ-59-17, СХ-59-4 [Нечаева, 1966, с. 114, 135], Хемчик I [Грач, Нечаева, 1960, с. 191] и др.; в Монголии – Нахиугийн-Манхан [Худяков, Баяр, 1992, с. 38 – 41]; в Кузнецкой котловине – могильник Сапогово, кург. 1, 8, 11, 12, 14, 17, 19 [Илюшин и др., 1992, с. 23]; в Казахстане – у с. Алатау [Курманкулов, 1980, с. 195], Джартас, кург. 80 [Трифонов, 1987, с. 128], Иссык [Григорьев, Загородный, 1995, рис. 2].

Декоративные полусферические выступы на пластинах I типа находят параллели в материалах кенкольской археологической культуры (I – V вв.) Средней Азии [Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 95] и в настенных росписях Пенджикента [Беленицкий, 1973, табл. 23]. Однако наиболее ярким и близким в культурно-хронологическом и территориальном отношении аналогом является находка (часть доспеха) из кург. 7 в урочище Балчикова-3 [Шульга, Горбунов, 2002]. Другой аналог – целый спекшийся панцирь из местности Бек-Бике в Западном Казахстане [Синицын, 1950, рис. 32, 33; 1956, с. 103 – 104]. Примечательно, что он целиком набран из пластин такой же формы (округлый верхний край, прямоугольный нижний), с аналогичной системой отверстий, а главное, с полусферическими выступами посередине. Панцирь состоял из 25 рядов пластин, скрепленных между собой ремешками, что лишний раз подтверждает использование подобных пластин в ламеллярном доспехе. При этом пластины накладывались “снизу вверх”, т.е. округлым окончанием вверх. Памятник датирован в широких пределах – VIII – XII вв. [Синицын, 1950, с. 109]. Традиция украшения пластин полусферическими выступами распространилась и далеко на запад – до севера Руси, Новгорода [Медведев А.Ф., 1959, с. 125].

Узкие пластины III типа достаточно необычны и редки. Единственный аналог – детали защитного доспеха, найденные в Китае, в Цюйцзянчи, Сиань [Горелик, 1993, рис. 12, 11], которые отнесены к VII – IX вв. Причем пластины, соответствующие II и III типам,

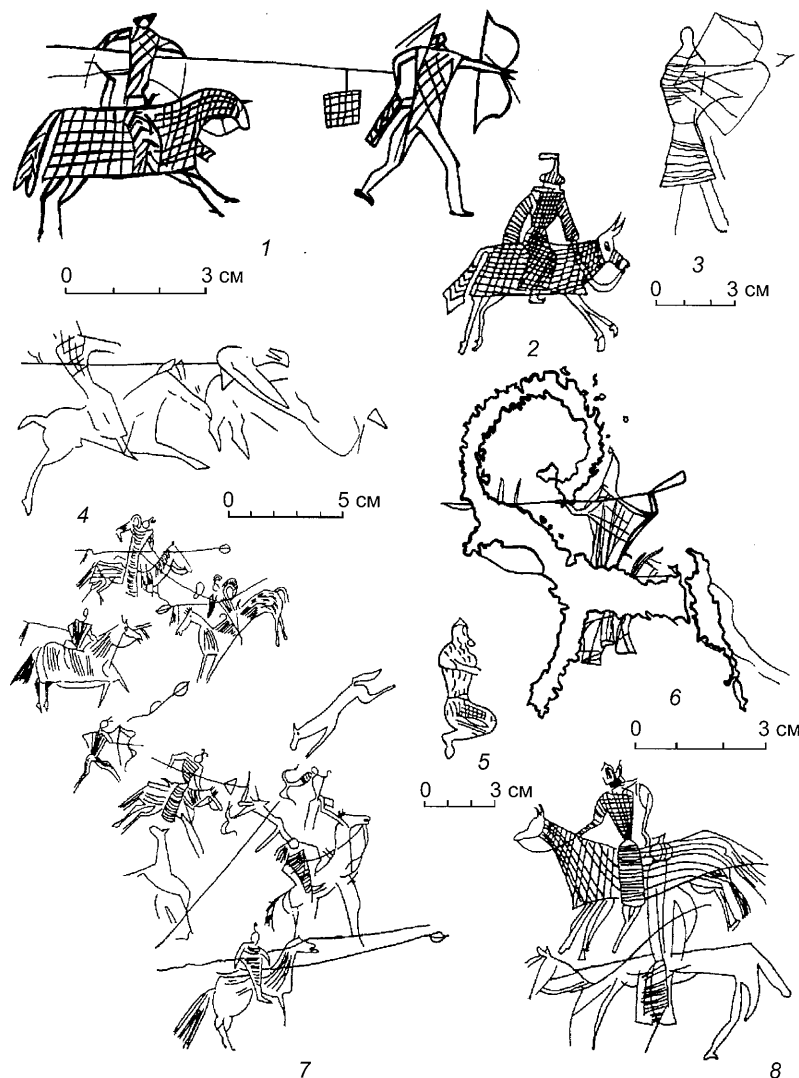

Рис. 22. Изображения тяжеловооруженных всадников и воинов в доспехах в граффити Алтая.
1, 2, 5 – Жалгыз-Тобе; 3 – Бичикту-Бом; 4 – Юстыд, оградка; 6 – Кудыргэ; 7, 8 – Кара-Оюк.

здесь также обнаружены в одном наборе. Что касается легкой изогнутости большинства пластин (у пластин из Балык-Соока в верхней части), то, очевидно, правы те исследователи [Медведев А.Ф., 1959, с. 126], которые связывают это с лучшим отражением или смягчением удара копья, бронебойного наконечника стрелы и т.п. Изогнутые панцирные пластины, создающие “пружинящий” эффект, отмечены у “пластинчатых” доспехов всех времен.

Части шлема в древнетюркском погребении на территории Саяно-Алтая – уникальная находка. В сопредельных регионах известны лишь единичные экземпляры, относящиеся к VIII – X вв. Это фрагменты шлема в одном из погребений (кург. 15) могильника Сапогово в Кузнецкой котловине [Илюшин и др., 1992, с. 106]. Шлем условно отнесен к сфероконическим и датирован второй половиной VIII – первой полови-

ной IX в. Еще одно боевое наголовье обнаружено в кург. 2 могильника Рёлка на средней Оби [Чиндина, 1977, с. 32]. Оно сфероконической формы, склепано из восьми полос и снабжено ободом и навершием. Кроме того, в Южной Туве во впускном погребении IX – XII вв. с трупосожжением кыргызского воина (Улуг-Хорум, погр. 2) найдено большое количество панцирных пластин, среди которых есть несколько длинных – 17 – 18 см [Грач, 1982, с. 158]. И хотя по публикации это сложно утверждать, можно предположить, что они также являлись пластинами, составлявшими купол-тулью шлема. Не исключена трактовка изображения боевого наголовья одного из катафрактариев в граффити Алтая (рис. 22, 2) как шлема, набранного из отдельных пластин.

Защитные наголовья из Рёлки и Сапогова по форме и конструкции сильно отличаются от балык-соок-

ского. Принцип набора тульи-купола из длинных изогнутых пластин восходит к ранней традиции начала I тыс. Шлемы подобной конструкции, различающиеся по способу скрепления пластин, форме тульи и т.д., известны от Центральной Европы до Японии [Горелик, 1993, с. 161]. В некоторых регионах они продолжали использоваться в позднем средневековье [Медведев В.Е., 1981, с. 179]. Шлемы с полушаровидной тульей-куполом в III – VI вв. были широко распространены в Средней Азии, Китае, Японии [Горелик, 1993, с. 163]. Интересно отметить, что пластинчатые шлемы, судя по настенной живописи Пенджикента, бытовали в Средней Азии и позднее – во второй половине I тыс. [Распопова, 1980, с. 84]. Наиболее близок балык-соокскому боевому наголовью шлем такой же конструкции и формы периода Когурё из Китая, хранящийся в музее г. Шэньян пров. Ляонин [Чо Ю Чжон, 1993, рис. 20]. По-видимому, шлемы полушаровидной формы, набранные из пластин, продолжали использоваться в конце I тыс. наряду со все более распространявшимися цельнокованными либо склепанными из полос коническими и сфероконическими боевыми наголовьями.

Кольчуга редко встречается в раннесредневековых погребениях Центральной Азии и Южной Сибири. Небольшие фрагменты обнаружены в погребальных памятниках Алтая – Кудыргэ, кург. 22 [Гаврилова, 1965, табл. XXIV], Прибайкалья – Куркут I [Асеев, 1980, с. 21], Кузнецкой котловины – Сапогово, кург. 15, 17 [Илюшин и др., 1992, с. 23], Среднего Приобья – Рёлка, кург. 5 [Чиндина, 1977, с. 33], Тянь-Шаня [Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 97]. Как правило, это небольшие обрывки кольчуг, часть из которых могла быть переиспользована. Кольчуга из погребения в Балык-Сооке не вызывает сомнения в применении ее как составляющей защитного доспеха. Чрезвычайно интересной конструктивной особенностью кольчуги является сочетание плетений из больших железных и малых бронзовых колец, их чередование. Подобное сочетание полос из бронзовых (медных) и железных колец отмечалось для кольчужного доспеха на Востоке [Винклер, 1992, с. 255], известно вплетение полос из медных колец в железную кольчугу и на Руси [Кирпичников, 1971, с. 9]. Плетение из бронзовых колец имело прежде всего декоративное назначение, хотя при этом не отрицается и его функциональная пригодность. Традиционно считается, что кольчуги из кочевнических погребений имеют западное, среднеазиатское или иранское происхождение [Гаврилова, 1965, с. 31; Горелик, 1993, с. 164]. В Средней Азии было налажено производство кольчуг, и они пользовались большой популярностью. Вопрос об освоении подобного производства самими кочевниками остается открытым. Относительно техники изготовления кольчуги

(ее плетения из бронзовых колец) можно отметить, что кольца попеременно сварены и склепаны. Причем четыре склепанных кольца соединялись с одним сваренным. Такая техника типична и для кольчатой брони всего домонгольского периода на Руси [Кирпичников, 1971, с. 9].

Панцирь балык-соокского воина вполне мог быть изготовлен на Алтае. Согласно китайским письменным свидетельствам, Алтай являлся крупным центром производства и обработки железа в Южной Сибири и Центральной Азии. Древние тюрки прославились именно как железоплавильщики [Бичурин, 1950, с. 228]. Это подтверждается материалами как погребений, так и памятников черной металлургии. Более 30 подобных памятников было открыто и изучено на территории преимущественно Южного Алтая [Зиняков, 1983, с. 6]. Период VIII – X вв. характеризуется возросшим уровнем производства металлических изделий и широким распространением оружия из закаленной стали [Там же, с. 16]. Несомненно, на Алтае было известно изготовление защитного доспеха, что нашло отражение в алтайской топонимике. Один из крупных алтайских пунктов железоделательного производства находится близ устья правого притока р. Чуи под названием Куяхтанар (Куйак-Танар), которое означает “панцирь, броню привязет, завяжет” [Молчанова, 1979, с. 238].

Защитный доспех из Балык-Соока имеет ряд особенностей в конструкции и оформлении. К ним относятся использование кольчуги как части доспеха; разнообразие пластин, что в целом не характерно для конца I тыс., и в частности наличие узких пластин оплечий; декоративная деталь в виде полусферических выступов; дополнительное украшение частей панциря лакированной кожей и китайским орнаментированным шелком; шлем, набранный из пластин. Все вышеперечисленное находит параллели в защитном вооружении, применявшемся в Средней Азии, и, возможно, свидетельствует о распространении моды согдийцев либо об изготовлении этого панциря согдийским мастером по заказу знатного тюркского воина.

Хорошо известны колонизация согдийцами Южной Сибири и их торговля с кочевниками: “Предприимчивые согдийские ремесленники и купцы селились в весьма отдаленных от их родины областях: в Китае, Туве, Монголии” [Распопова, 1970, с. 91]. Многие предметы, такие как поясная гарнитура, серебряные сосуды, украшения и др., перестают быть этнически показательными. Происходит заимствование предметов как согдийцами у кочевников, так и наоборот. Трудно определить, сделаны ли они кочевниками или на заказ согдийскими мастерами. Что касается вооружения, то “изделия согдийских оружейников славились за пределами Согда” [Распопова,

1980, с. 107]. В материалах древнетюркских погребений на Алтае уже известны предметы вооружения, возможно, также изготовленные согдийцами [Кубарев В.Д., 1992, с. 34]. Однако развитие вооружения самих согдийцев в VII – VIII вв. происходило не без влияния тюркского оружейного комплекса [Распопова, 1980, с. 107].

Письменные источники и петроглифы о военном искусстве древних тюрков

Важным источником по военному делу древних тюрков служат письменные памятники. Но если для периода Первого и Второго Тюркских каганатов основными и наиболее информативными можно считать китайские династийные хроники [Бичурин, 1950], то для VIII – X вв. (Уйгурского и Кыргызского каганатов) – свидетельства арабских авторов. Соотнеся их с археологическими материалами, можно сделать определенные выводы о тактике ведения боя. В этом отношении интересно “Послание Фатху б. Хакану” ал-Джахиза, относящееся к IX в. [Мандельштам, 1956]. И хотя речь в нем идет о западных группах тюрков, его использование вполне оправданно, т.к. и западные, и восточные тюрки являлись носителями единой культурной традиции. Чрезвычайно важно то, что в одном погребении были обнаружены и защитный доспех, и наконечник копья. Наконечники копий не являются редкой находкой в древнетюркских захоронениях. Так, на Алтае они найдены в погребальных памятниках: Балык-Соок I, кург. 23, Уландрык I, кург. 10, Барбургазы I, кург. 20 (неопубликованные материалы В.Д. Кубарева), Катанда I, кург. 7, 8 [Гаврилова, 1965, с. 55], Яконур, мог. 5 [Грязнов, 1940, с. 19]. Как известно, копье предназначалось для боя с защищенным панцирем противником. Защитный доспех и копье определяли и тактику боя – таранный удар плотно сомкнутым строем, что и подтверждают письменные данные: “...сила натиска в первый момент – а это удар, которым они достигают того, что хотят...” [Мандельштам, 1956, с. 228]. Подобная атака могла решить исход всего боя. Столкновение двух конных отрядов, вооруженных копьями, изображено в росписях Пенджикента [Распопова, 1980, рис. 50, 1]. Тактика, например, чжурчженьских войск заключалась в выставлении в авангарде копьеносцев, которых называли крепкой армией или *ин* – “стойкими”, они сами и их лошади были одеты в латы [Кычанов, 1976, с. 277]. В задачу тяжелой ударной, или т.н. врубающей, конницы (*ту-ки*) тюрков входило расстройство рядов противника, внесение замешательства. Иногда такие атаки предпринимались несколько раз. Очевидно, большая часть войска была менее экипирована (например, без попон на ло-

шадях) либо представляла собой легкую конницу. Разделение войска тюрков на легкую и тяжелую кавалерию широко известно. Тактика боя основывалась на их взаимодействии. Легкие лучники оказывали активную поддержку тяжеловооруженным всадникам, нанося большие потери, в случае неудачной атаки могли прикрыть отход катафрактари-ев для организации новой. Легкая конница, как правило, сражалась на дистанции и без поддержки тяжеловооруженных всадников также была обречена. Подобная тактика боя известна по меньшей мере с рубежа нашей эры и использовалась, например, парфянами [Никоноров, 1995]. Она была связана с появлением тяжелой конницы и, несомненно, изобретена кочевниками. В Центральной Азии в эпоху раннего средневековья такая тактика боя при дальнейшем развитии и усовершенствовании защитного доспеха получила широкое распространение среди многих кочевых народов. В числе первых ее применили древние тюрки. Очевидно, ей пользовались и оседло-земледельческие этносы – китайцы, согдийцы.

В ходе боя команды отдавались с помощью знамен, о чем известно из письменных источников [Бичурин, 1950, с. 300]. В рунических памятниках часто упоминается, что знатные воины, главы родов являлись обладателями боевого знамени [Васильев, 1995, с. 259]; изображения боевых знамен нередко встречаются и в средневековых граффити [Марьяшев, Ермолаева, Мотов, 1979, рис. 4 – 6].

В арабских письменных памятниках особо отмечается, что “копье тюрков – короткое и полное (т.е. имеющее втулку. – Г.К.). А короткие полые копья пронзают с большей силой и более легки для ношения” [Мандельштам, 1956, с. 233]. Отличительной чертой тюрков было не только умелое владение копьем, но и точность и быстрота стрельбы из лука. В балык-соокском погребении найдены роговые срединные накладки на два лука, что соответствует описанию: “...они приучают всадников возить (при себе) два или три лука...” [Там же, с. 231]. В арабских источниках постоянно упоминается, что тюрки были хорошо экипированы, носили панцирь (*аль-джавшан*), кольчугу (*дир*), щит и шлем (*байда*) (см.: [Юнусов, 1990, с. 98]). Тюрки достигли особого совершенства в ведении боевых действий: “И (никто) не внушает такой страх арабским войскам, как тюрки” [Мандельштам, 1956, с. 243].

Период VIII – X вв. в Южной Сибири и Центральной Азии характеризуется активными миграционными процессами и частыми войнами, что нашло отражение в письменных источниках и археологически фиксируется по захоронениям со смешанными обрядом погребения и предметным комплексом, большому количеству кенотафов. В такое время возрастает

Рис. 23. Изображение тяжеловооруженных воинов.
Жалгыз-Тобе. Российский Алтай.

Рис. 24. Изображение тяжеловооруженных воинов.
Хар-Салаа. Монгольский Алтай.

потребность в защитном вооружении и, вероятно, происходит некоторая его унификация. Наблюдается тенденция к распространению и развитию защитного доспеха в “редуцированном” виде – письменные источники конца I тыс. редко сообщают о закованных с головы до ног в железо отрядах конницы (см.: [Юнусов, 1990, с. 101]).

Ценным свидетельством применения защитного доспеха в древнетюркскую эпоху являются граффити Алтая (рис. 22 – 24). К их числу относятся изображения тяжеловооруженных всадников и воинов в Жалгыз-Тобе (рис. 22, 1, 2, 5; 24), Бичикту-Боме (рис. 22, 3), Юстыде (рис. 22, 4), Кара-Оюке (рис. 22, 7, 8) [Окладникова, 1988, рис. 4], на кудыргинском валуне (рис. 22, 6) [Гаврилова, 1965, табл. VI]. Несмотря на некоторую схематичность изображений, достаточно четко определяются основные части доспеха: шлем, нагрудник, прикрытия ног и рук. Показана защитная попона на конях. Непременным атрибутом катафрактария является копье. В некоторых случаях (рис. 22, 7; 24) наскальные рисунки представляют сцены боя, причем с участием не только тяжеловооруженных всадников, но и пеших лучников. По нашему мнению, наибольшая концентрация изображений катафрактариев в Чуйской котловине, по сравнению с другими районами Алтая, не случайна. Как известно, эта котловина представляет собой опустыненную степь монгольского типа, где возможна реализация всех преимуществ плотно сомкнутого строя тяжеловооруженных всадников. В других районах Алтая с их пересеченной местностью и узкими долинами подобная тактика боя неприменима.

Алтай, в особенности Центральный, следует рассматривать, в определенном смысле, как природную крепость. В условиях узких горных троп небольшое количество воинов могло сдерживать продвижение целой армии. Возможно, поэтому на Алтае, в отличие от соседней Тувы, пока не обнаружены укрепленные

городища древнетюркского времени. Хотя полностью не исключено, что городище на Катунь, в районе Большого Яломана, занимающее важное стратегическое положение, принадлежит к этой эпохе. Наличие таких конструктивных особенностей некоторых древнетюркских оградок, как ров, вал, дает основание для предположения о знакомстве древних тюрков с фортификационными сооружениями.

Археологические находки, данные письменных источников, изобразительные материалы и налаженное металлургическое производство позволяют предположить достаточно широкое распространение защитного доспеха и в целом высокий уровень развития военного дела у древних тюрков в VIII – X вв. Трудно согласиться с мнением, что тюрки формировали воинские контингенты легковооруженных всадников-лучников как вспомогательную конницу в войсках уйгурских и кыргызских каганов и что исключительно знатные воины были защищены панцирными доспехами [Худяков, 1986, с. 150, 159]. Только по находкам в захоронениях невозможно судить обо всем применявшемся комплексе вооружения. Существуют категории оружия, не входящие в погребальный инвентарь или относительно редкие в нем, например мечи, палаши, сабли. Однако их редкая встречаемость в погребениях отнюдь не свидетельствует о том, что ими не пользовались. Как известно, детали защитного вооружения – нечастая археологическая находка, а целые экземпляры доспехов единичны и происходят из захоронений именно знатных воинов [Медведев А.Ф., 1959, с. 119; Кирпичников, 1971, с. 43]. Как правило, в погребальных памятниках находят лишь отдельные панцирные пластины либо часть доспеха, что, очевидно, связано с устоявшимися канонами погребально-поминальной обрядности. Ярким подтверждением этому служат не менее часто встречающиеся отдельные панцирные пластины, заменяющие целый панцирь, в древнетюркских поминальных сооруже-

ях – каменных оградках: на Алтае – Кудыргэ, оградка XIII [Гаврилова, 1965, с. 16], в Туве – Хемчик I [Грач, Нечаева, 1960, с. 191], в Казахстане – Иссык [Григорьев, Загородный, 1995, рис. 2]. Такие категории вооружения, как панцирь, меч, палаш, в отличие от оружия массового производства – лука, стрел и т.д., относились к числу ценных и использовались не одним поколением, кроме того, они являлись желанной добычей врага.

Заключение

В периоды правления Уйгурского и Кыргызского каганатов алтайские тюрки сохраняли определенную независимость, их подчинение можно расценивать как номинальное. На VIII – IX вв. приходится расцвет материальной и духовной культуры тюрков на Алтае (т.н. курайская археологическая культура), подавляющее большинство исследованных древнетюркских захоронений относится именно к данному периоду. Этим же временем следует датировать и немногочисленные элитные погребения алтайских тюрков. Собственно уйгурских захоронений на Алтае пока не известно, а число кыргызских погребений по обряду трупосожжения незначительно и заметно уступает их количеству в соседней Туве. Кыргызы слабо заселили Алтай, в отличие от Тувы, являвшейся театром военных действий между кыргызами и уйгурами, где некоторое время располагалась ставка кыргызского кагана [Кызласов, 1984, с. 77]. Видимо, этот факт во многом объясняется относительной изолированностью и удаленностью Алтая. Исследователями уже указывалось на возможные союзнические отношения между тюрками и кыргызами во время уйгуро-кыргызских войн [Худяков, 1983, с. 15; Кызласов, 1984, с. 49]. Очевидно, даже после разгрома Второго Тюркского каганата тюрки Алтая сохраняли значение реальной политической и военной силы.

В период второй половины VII – X в. можно отметить высокий уровень развития военного дела у древних тюрков Алтая. Несмотря на потерю ими государственности в середине VIII в., наблюдаются общие тенденции развития и усовершенствования вооружения. Они характерны для всех центрально-азиатских кочевников конца I тыс. (дальнейшее использование защитного доспеха, увеличение типологического ряда броневых, плоских, трехгранно-трехлопастных наконечников стрел, усовершенствование сложного лука и т.д.).

Балык-соокский панцирь, как и само погребение, является уникальным. Это единственный первоначально целый доспех (впоследствии разбитый "грабителями"), впервые найденный в древнетюркских курганах Саяно-Алтая. Он значительно расширяет

наши представления о развитии защитного вооружения и военного дела в конце I тыс. в Южной Сибири и Центральной Азии, а также приводит к постановке многих проблем социально-экономического характера, вопросов политической истории, миграций и определения границ государственных образований в эпоху средневековья.

Список литературы

- Асеев И.В.** Прибайкалье в средние века. – Новосибирск: Наука, 1980. – 152 с.
- Беленицкий А.М.** Монументальное искусство Пенджикента. – М.: Наука, 1973. – 67 с.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф).** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. 1. – 380 с.
- Васильев Д.Д.** Персоналии древнетюркских эпитафий: возможности источниковедческого анализа // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. – М.: Вост. лит., 1995. – Вып. 3. – С. 256 – 267.
- Винклер П.** Оружие. – М.: Софт-Мастер, 1992. – 332 с.
- Гаврилова А.А.** Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 144 с.
- Горелик М.В.** Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н.э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 149 – 179.
- Грач А.Д.** Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге // Тр. ТКАЭЭ. – М.; Л., 1960. – Т. 1. – С. 73 – 150.
- Грач А.Д.** Археологические раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге // Тр. ТКАЭЭ. – М.; Л.: 1966. – Т. 2. – С. 81 – 108.
- Грач А.Д.** Средневековые впускные погребения из кургана-храма Улуг-Хорум в Южной Туве // Археология Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 156 – 168.
- Грач А.Д., Нечаева Л.Г.** Краткие итоги исследований первой группы археологического отряда ТКЭИЭ // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. – 1960. – Вып. 8. – С. 185 – 192.
- Григорьев Ф.П., Загородный А.С.** Средневековые поминальные оградки могильника Иссык // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. – Вып. 5, ч. 2. – С. 176 – 181.
- Грязнов М.П.** Раскопки на Алтае // Сб. Государственного Эрмитажа. – 1940. – Вып. 1. – С. 17 – 21.
- Чо Ю Чжон.** Чипанэ когурё южжок [Памятники когурё, расположенные в Цзиани] // Хангуксангосахак бо. – Сеул, 1993. – № 14. – С. 305 – 310.
- Евтюхова Л.А.** Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). – Абакан: ХНИИЯЛИ, 1948. – 110 с.
- Евтюхова Л.А.** О племенах Центральной Монголии в IX в. // СА. – 1957. – № 2. – С. 205 – 227.
- Евтюхова Л.А., Киселев С.В.** Отчет о работе Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Тр. ГИМ. – М., 1941. – Вып. 16. – С. 75 – 117.
- Залесская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И., Соколова И.В., Фонакова Н.А.** Сокровища хана Кубрата: Перещепинский клад. – СПб.: Славия, 1997. – 336 с.

- Зиняков Н.М.** Черная металлургия и кузнечное ремесло алтайских племен VI – X вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1983. – 21 с.
- Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г.** Могильник Сапогово – памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. – 127 с.
- Кирпичников А.Н.** Древнерусское оружие. – М.: Наука, 1971. – 91 с. + 39 рис. + 22 табл. – (САИ; Вып. Е1-36, № 3).
- Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С.** Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 75 – 107.
- Кубарев В.Д.** Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 135 – 161.
- Кубарев В.Д.** Древнетюркские кенотафы Боротала // Древние культуры Монголии. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 136 – 148.
- Кубарев В.Д.** Палаш с согдийской надписью из древнетюркского погребения на Алтае // Северная Азия и соседние территории в средние века. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 25 – 36.
- Кубарев В.Д.** “Савроматы” на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 2 (10). – С. 127 – 139.
- Кубарев Г.В.** Новая руническая надпись с Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – Т. 3. – С. 208 – 212.
- Курманкулов Ж.** Погребение воина раннетюркского времени // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1980. – С. 191 – 197.
- Кызласов Л.Р.** Древнехакасская культура чаатас VI – IX вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 46 – 52. – (Археология СССР).
- Кызласов Л.Р.** История Южной Сибири в средние века. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 168 с.
- Кычанов Е.И.** Чжурчжэни в XI в. // Сибирский археологический сборник. – Новосибирск: Наука, 1976. – С. 269 – 281.
- Литвинский Б.А.** Бытовой инвентарь // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. – М.: Вост. лит., 1995. – С. 106 – 255.
- Лифанов Н.А.** Новые формы украшений новинковского населения // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э.: (Из истории костюма). – Самара: Самар. обл. ист.-краевед. музей им. П.В. Алабина, 2001. – Т. 2. – С. 166 – 169.
- Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В.** Древнетюркские курганы могильника Катанда-3 // Изв. Лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. ун-та, 1997. – № 2. – С. 115 – 129.
- Мандельштам А.М.** Характеристика тюрков IX в. в “Послании фатху б. Хакану” ал-Джахиза // Тр. ИИАЭ АН КазССР. – 1956. – Т. 1 – С. 227 – 253.
- Маннай-оол М.Х.** Итоги археологических исследований ТНИИЯЛИ в 1961 г. // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. – 1963. – Вып. 10. – С. 238 – 246.
- Марьяшев А.Н., Ермолаева А.С., Мотов Ю.А.** Новые петроглифы урочища Тамгалы // Вестн. АН КазССР. – Алма-Ата, 1979. – № 5. – С. 50 – 54.
- Медведев А.Ф.** К истории пластинчатого доспеха на Руси // СА. – 1959. – № 2. – С. 119 – 134.
- Медведев В.Е.** О шлеме средневекового амурского воина (тайник с остатками доспеха в Корсаковском могильнике) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 172 – 184.
- Молчанова О.Т.** Топонимический словарь Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во. Горно-Алт. отд-ние, 1979. – 398 с.
- Неверов С.В.** Стремена Верхнего Приобья в VII – XII вв. (классификация и типология) // снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 129 – 151.
- Нечаева Л.Г.** Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты // Тр. ТКАЭЭ. – 1966. – Т. 2. – С. 108 – 143.
- Никоноров В.П.** К вопросу о парфянской тактике (на примере битвы при Каррах) // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995. – С. 53 – 61.
- Овчинникова Б.Б.** К вопросу о вооружении кочевников средневековой Тувы (по материалам могильника Аймырлыг) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 132 – 146.
- Овчинникова Б.Б.** Тюркские древности Саяно-Алтая в VI – X вв. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 150 с.
- Окладникова Е.А.** Граффити Кара-Оюка, Восточный Алтай // Сб. МАЭ. – 1988. – Т. 42: Материальная и духовная культура народов Сибири. – С. 140 – 158.
- Распопова В.И.** Согдийский город и кочевая степь в VII – VIII вв. // КСИА. – 1970. – Вып. 122. – С. 86 – 91.
- Распопова В.И.** Основания для датировки металлических изделий из Пенджикента // КСИА. – 1979. – Вып. 158. – С. 106 – 113.
- Распопова В.И.** Металлические изделия раннесредневекового Согда. – Л.: Наука, 1980. – 140 с.
- Савинов Д.Г.** Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 102 – 121.
- Савинов Д.Г.** Древнетюркское время // Древние культуры Бертектской долины. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 146 – 152.
- Синицын И.В.** Археологические памятники по реке Малый Узень (Саратовская область и Западный Казахстан) // КСИИМК. – 1950. – № 32. – С. 101 – 112.
- Синицын И.В.** Археологические исследования в Западном Казахстане // Тр. ИИАЭ АН КазССР. – 1956. – Т. 1. – С. 87 – 140.
- Смирнов Я.И.** Восточное серебро. – СПб.: Б.И., 1909. – 130 табл.
- Трифонов Ю.И.** Джартас // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1987. – С. 115 – 129.
- Худяков Ю.С.** Вооружение древних тюрков Горного Алтая // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980 – 1982 годах. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. – С. 3 – 27.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – 268 с.

Худяков Ю.С., Баяр Д. Средневековый памятник в местности Нахиуйгин-Манхан в пустыне Монгол Элс // Северная Азия и соседние территории в средние века. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 36 – 44.

Чиндина Л.А. Могильный Рёлка на средней Оби. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. – 190 с.

Шульга П.И., Горбунов В.В. Фрагмент доспеха из тюркского кенотафа в долине р. Сентелек // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 112 – 130.

Юнусов А.С. Военное дело тюрок в VII – X вв. (по арабским источникам) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Полиграф, 1990. – С. 97 – 106.

Garam E. Die münzdatierten Gräber der Awarenzeit // Awarenforschungen. Archäologie Austriaca. Monographien. Studien zur Archäologie der Awaren 4. – Wien: Institut für Ur- und Frühgeschichte der Universität Wien, 1992. – Bd. 1. – S. 135 – 250.

Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-Küe). – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958. – Bd. 1. – 484 S.

Toth E., Horvath A. Kunbably: Das Grab eines Awarenhägens. – Kecskemet: Museum des Komitats Bacs-Kiskun, 1992. – 295 p.

Werner J. Nomadische Gürtel bei Persern, Byzantinern und Langobarden // La civiltà dei longobardi in Europa. – Roma: Accademia nazionale dei Lincei, 1974. – P. 109 – 139 + Taf. 9.

Материал поступил в редколлегию 5.06.03 г.